

С.П. ДОНЦЕВ*

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать участие Русской православной церкви в формировании и реализации государственной политики памяти в современной России. Автором поставлена задача определить влияние Церкви на государственную политику памяти и описать механизмы ее реализации в контексте взаимодействия религиозных и государственных институтов. Анализируются публичные стратегии Русской православной церкви в отношении прошлого при взаимодействии с системой государственного образования и вооруженными силами, анализируется роль церкви в установлении праздников. Делается вывод о том, что церковь и государство создают не состязательные, а взаимодополняющие каналы социализации при реализации государственной политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти; историческая политика; политическая социализация; государственно-конфессиональные отношения; Русская православная церковь; система государственного образования; вооруженные силы; государственная символика.

Для цитирования: Донцев С.П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 110–128. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.05

*** Донцев Сергей Павлович**, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), e-mail: dontsev@gmail.com

Dontsev Sergei, Department of theoretical and applied political science, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: dontsev@gmail.com

© Донцев С.П.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.05

S.P. Dontsev

**Politics of memory in the context institutional interactions
between the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia**

Abstract. The article attempts to analyze the participation of The Russian Orthodox Church (ROC) in the formation and implementation of the state politics of memory in modern Russia. The main attention is paid to the institutional aspect of interaction between the ROC and the State. The author sets the task of revealing the influence of the Church on the Russian politics of memory and describing the mechanisms of its realization in the context of interaction of religious and state institutions. Historical politics is seen as an integral part of politics of memory. The article analyzes the public strategies of the ROC in relation to the past as part of the process of political socialization in cooperation with the state educational system and the armed forces. The author also analyzes the process of formation of the symbolic space of Russia by state institutions and the possibility of participation of the Russian Orthodox Church in this process. It is concluded that the Church and the state form complementary (not adversarial) channels of socialization in the implementation of the state policy of memory.

Keywords: politics of memory; historical politics; political socialization; state-religious relations; Russian Orthodox Church; state educational system; armed forces; **state symbols.**

For citation: S.P. Dontsev Politics of memory in the context institutional interactions between the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia // Political science (RU). – M., 2018. – N 3. – P. 110–128. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.05

Взаимодействия религиозных и государственных институтов по вопросам, связанным с формированием и реализацией политики памяти, приобретают особую актуальность, когда их следствием становится принятие решений органами государственной власти, затрагивающих все общество в целом. В современной России особый интерес приобретают выявление и анализ взаимодействий крупнейшей российской религиозной организации – Русской православной церкви (РПЦ) – и государственных институтов, которые могут повлиять и влияют на политику памяти нашей страны.

В многочисленных исследованиях государственно-конфессиональных отношений в современной России вопросам влияния церкви на политику памяти и историческую политику уделяется недостаточное внимание. Отдельные аспекты этого явления рассмотрены в работах А.В. Митрофановой (апелляция к прошлому при трансформациях «православного мира» в культурно-политическую общность [Митрофанова, 2004]), О.Ю. Малиновой (церковь как субъект ком-

меморации [Малинова, 2018]), Т.В. Растемишиной (культурное наследие церкви в государственной политике национальной памяти [Растимешина, 2012]) и некоторых других. Однако роль РПЦ в формировании и реализации российской политики памяти в контексте взаимодействия с государственными институтами остается недостаточно изученной.

Исследования современной российской политики памяти и исторической политики преимущественно акцентируются на роли государства и аффилированных с государством институтов в ее формировании и стратегиях реализации (см, например: [Ачкасов, 2013; Миллер, 2014; Культурная... 2015]). Исследуется в первую очередь либо государственная политика памяти, формируемая действующими политическими элитами, либо попытки использования элементов альтернативного исторического дискурса для достижения политических целей завоевания и удержания государственной власти. Однако неполитические акторы не только могут иметь собственное видение содержания политики памяти и продуцировать соответствующий альтернативный дискурс (в тренде концепции тотальной множественности Британской школы культурных исследований), но и пытаться влиять с его помощью на государственную политику. Так, О.Ю. Малинова, рассматривая коммеморацию исторического события в качестве политического процесса, исход которого определяется взаимодействиями мнемонических акторов, преследующих политические цели и избирательно использующих общий репертуар символических ресурсов, относит к их числу и Православную церковь [Малинова, 2018]. С другой стороны, и государственные институты могут задействовать ресурсы неполитических акторов в целях содействия реализации отдельных стратегий и проектов политики памяти. В качестве таких неполитических акторов могут выступать религиозные организации и, в первую очередь, наиболее крупные и влиятельные из их числа, чьи ресурсы позволяют транслировать собственный дискурс памяти на максимально широкую аудиторию. Этот дискурс может либо коррелировать с дискурсом, формируемым государственными институтами и контролируемым агентами социализации населения, либо находиться к нему в оппозиции, формируя и актуализируя альтернативный образ прошлого, либо занимать промежуточную позицию, в чем-то дополняя, а в чем-то расходясь с государственным дискурсом. В России к таким религиозным ор-

ганизациям, которые могут быть объектом исследования в указанном разрезе политики памяти, относится, безусловно, Русская православная церковь. В настоящей публикации предпринята попытка ответить на вопрос, какие каналы влияния на российскую политику памяти имеет РПЦ и как они реализуются в контексте взаимодействия религиозных и государственных институтов.

Историческая политика будет рассматриваться как составной элемент политики памяти, которая включает всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого [Миллер, 2013, с. 114]. Из таких стратегий особое внимание будет уделено процессу политической социализации, преимущественно через систему образования и вооруженные силы. Это связано с тем, что такой важнейший компонент социализации, как процесс передачи политической культуры от одного поколения к другому, непосредственно связан с исторической политикой, а религиозные институты, согласно классической модели Г. Алмонда, могут выступать в качестве одного из агентов политической социализации [Almond, 1963].

Второе направление публичных стратегий в отношении прошлого, которое будет рассмотрено в статье, – формирование государственными институтами символического пространства России и возможности участия в этом процессе Русской православной церкви.

Церковь, политическая социализация и политика памяти

Если рассматривать Русскую православную церковь в качестве института, принимающего участие в политической социализации (такой методологический подход возможен, так как Церковь участвует в трансляции ценностей, имеющих отношение к миру политического [Донцев, Чимириш, 2011]), то необходимо выяснить, как ее действия соотносятся с генерализированным потоком социализации, формируемым государственными институтами. Как показывает российская практика, Русская православная церковь может не только транслировать определенный образ прошлого, но и непосредственно участвовать в его формировании, внося в него ценности, связанные с православной традицией, а также собственное видение особенностей функционирования социальных и, в ряде случаев, политических институтов. В Основах социальной концепции РПЦ обозначены предпочти-

тельные для Церкви принципы государственного устройства, взаимоотношений человека и государства, церковных и государственных институтов, основанием которых выступает традиция, а точнее, ее церковная интерпретация. По словам Патриарха Кирилла, «абсолютное большинство людей в России является сторонниками ценностей, исторически восходящих к отечественной религиозно-культурной традиции» [Кирилл, 2006], и поэтому задача Церкви заключается в том, чтобы «добиваться признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных)» [Основы... 2000, с. 250]. Эта задача как раз и решается в рамках политической социализации. При этом трансляция ценностей и образов прошлого может осуществляться РПЦ при взаимодействии с государственными институтами. В этом плане особый интерес представляют структуры государственного образования и вооруженные силы.

Для РПЦ взаимодействие с системой государственного образования является одним из ключевых каналов для трансляции определенного образа прошлого и собственного видения смысла и содержания общественно-политических феноменов и явлений (власть, государство, патриотизм и т.п.), которые интерпретируются на его основе.

Сегодня это взаимодействие идет по направлениям интеграции религиозного образования и культурологического блока дисциплин, акцентирующих внимание на православной традиции в системе государственного образования. Характерно, что в РПЦ признается именно социализирующая функция образования, под которым понимается «непрерывный процесс, имеющий корни в прошлом», и цель которого – передача традиций [Алексий II, 2006].

Острая общественная реакция на появление в государственной школе предметов религиозной направленности, где образ прошлого выступает только фоном для трансляции религиозных ценностей, привела к тому, что приоритет получили проекты интеграции в систему государственного образования культурологических дисциплин. Здесь, наоборот, уже религиозные ценности становились тем фоном, на котором рассматривались исторические, общественно-политические и культурные сюжеты. В данном случае религиозные ценности предполагается транслировать не в виде учения, а в рамках концепций, имеющих отношение к вопросам

истории, этики, эстетики. Однако и в таком виде они могут влиять на политическую социализацию – особенно когда речь идет об исторической интерпретации вопросов взаимоотношения РПЦ и государства, о роли православных иерархов в тех или иных поворотных для Российского государства исторических событиях. Таковыми особенно были исторические сюжеты, рассматриваемые в рамках культурологических курсов регионального образовательного компонента в средней школе в 2006–2009 гг. «Основы православной культуры», «Православная этика», «Православное искусство».

В 2009 г. в рамках реформы системы среднего образования начался процесс включения предмета «Православная культура» в новое поколение госстандартов общего среднего образования в качестве одного из шести модулей комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Ряд элементов учебной программы этого курса предполагает интерпретацию сюжетов российской истории через призму православного вероучения (например, «Христианин на войне», «Любовь и уважение к Отечеству. Патриотизм многонационального и многоконфессионального народа России», а также тематика творческих работ и творческих проектов завершающих уроков), имеют непосредственное отношение к формированию политической культуры учащихся. Интересен выбор сюжетов и персонажей истории: князья Владимир и Александр Невский, богатырь Илья Муромец, адмирал Федор Ушаков и др., большинство из которых причислены к лику святых Русской православной церкви. Выбор их продиктован ориентацией на формирование у учащихся не только соответствующих ценностей, но и государствоцентричного мировоззрения.

С 2008 г. в публичном церковном дискурсе, в котором Церковь не только выступала носителем исторической памяти, но и задавала направления интерпретации, все чаще появлялся образ «Святой Руси» (см., например: [Патриарх... 2013]). Архиерейский собор РПЦ определил «Святую Русь» как общее цивилизационное пространство восточнославянских народов, имеющих общее историческое прошлое [Определение... 2008], как исторически сформированное духовное единство России, Украины и Беларуси, в основе которого лежит православная вера [Собор... 2008]. Использование этого образа в образовательных проектах Церкви также коррелирует с позицией государственных акторов социализации.

Необходимо также остановиться на позиции РПЦ относительно проблемы единого школьного учебника. По словам Патриарха Кирилла, отсутствие единого учебника истории наносит ущерб формированию гражданственности, негативно влияет на чувство патриотизма, поэтому Церковь приняла активное участие в формировании концепции единого учебника, и «многое было учтено» [Единый... 2014]. Приведенные слова Патриарха иллюстрируют деятельность РПЦ именно в качестве актора, влияющего на процесс политической социализации, имеющего определенную систему ценностей – «нравственных и духовных координат» – и успешно транслирующего их в результате взаимодействия с институтами системы образования.

Многое из того, о чем говорилось относительно взаимодействия Церкви и системы государственного образования, применимо к целям и задачам, решаемым при взаимодействии религиозных и армейских институтов. Особенно это касается вопросов трансляции военным определенным ценностям и мировоззренческих установок. При этом предполагается, что армия в ходе таких взаимодействий может решать задачи морально-этического обоснования необходимости службы в вооруженных силах, а трансляция ценностей с отсылкой к историческим примерам их применения может также формировать у призывников чувства патриотизма.

Для иллюстрации того, как это осуществляется на практике, обратимся к соглашению Русской православной церкви с Воздушно-десантными войсками России, которое предусматривает совместную организацию и участие военнослужащих и духовенства в воинских ритуалах освящения боевых знамен, военной техники, совершение молебнов перед учениями, а также участие в торжествах, посвященных памятным дням воинской славы, организацию торжественных проводов и служение молебнов на призывных пунктах, организацию углубленного военно-исторического и духовно-нравственного просвещения военнослужащих с раскрытием положительной роли РПЦ в исторических событиях и достижениях Российского государства [Соглашение... 2003]. Подобные соглашения заключены и с другими родами войск и войсковыми соединениями. Все они основываются на таких законодательно закрепленных полномочиях Министерства обороны России, как разработка и реализация мер, направленных на повышение в об-

шестве авторитета и престижа военной службы, сохранение и приумножение патриотических традиций, организация в этих целях военно-исторической, культурной работы и иной деятельности [Положение... 2004], т.е. действий, связанных во многом с проблематикой политики памяти.

Церковь же обосновывает необходимость взаимодействия с Вооруженными силами в том числе и задачами «возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения отечеству» [Основы... 2000, с. 206–207]. Характерно, что именно Министерство обороны первым из российских институтов исполнительной власти формализовало взаимодействия с РПЦ, приняв в 1994 г. совместное заявление о принципах сотрудничества между армией и Церковью, создав затем Координационный комитет по взаимодействию и введя в 1994 г. специальные должности офицеров по связям с религиозными объединениями. Позже, в 2009 г., начался долгий процесс восстановления института военного духовенства. Сегодня воспитательные задачи и задачи социализации в армии оказываются тесно переплетены. При этом все они предполагают апелляцию к историческому прошлому, соответствующая интерпретация которого может возлагаться на представителей религиозных организаций.

Церковь и государственная символика России

Национально-государственные символы могут выступать в качестве инструмента политики памяти, фиксируя и воспроизводя образы, способствующие формированию чувства сопричастности граждан к государству. С распадом Советского Союза в России встала проблема формирования новой государственной символики, способной решить указанную задачу. Отказ от символов советской эпохи, актуализация дореволюционной символики и одновременно попытка поиска новых государственных символов привели к формированию эклектичной государственной символической системы, объединяющей крайне разнородные элементы (наиболее показательный пример – российский гимн). Одновременно произошло соединение православной и – шире – общехристианской символики с системой государственных символов. В настоящее время христианская и православная символика при-

сутствует в таких символах государства, как государственный герб, гербы и флаги субъектов Российской Федерации, в российских государственных наградах. Религиозная символика также присутствует на денежных знаках, выступающих носителями государственных символов. На государственном гербе России, принятом в 1993 г., изображены кресты (навершие короны и державы), всадник, поражающий копьем опрокинутого навзничь дракона, соответствующий основным элементам иконографии святого Георгия Победоносца. Христианская символика присутствует в гербах и флагах шести субъектов Российской Федерации и их столиц (без учета крестов в навершии императорской короны и крестов как геральдических символов).

Еще более широко православная символика представлена в государственных наградах – два ордена (Святого Георгия и Святого апостола Андрея Первозванного) названы в честь святых Православной церкви, а в изображениях пяти присутствует крест. Тот факт, что в новой российской системе геральдических символов и государственных наград была восстановлена геральдика Российской империи с элементами общехристианской и сугубо православной символики, свидетельствовал об определенной интерпретации сюжетов имперской истории и роли православия в развитии российской государственности на официальном уровне. При этом говорить, что государство транслирует православную символику и тем самым солидаризируется с ценностными установками православной традиции, было бы не вполне корректно: религиозный символ в данном случае утрачивает свою сугубо религиозную составляющую и полностью сращивается с государственной символикой. Сама эта проблематика если и появляется в публичном дискурсе, то, как правило, связана с заявлениями отдельных представителей исламского сообщества России, которые видят здесь признаки религиозной дискриминации.

Да, РПЦ не оказывала влияние на процесс формирования системы государственных символов и практически никогда не акцентировала внимание на их православной составляющей. Поэтому в данном случае мы имеем ситуацию, когда государство в одностороннем порядке задействует символический потенциал религиозной традиции для формирования собственной символической системы.

Если в процессе формирования официальной государственной символики церковь не участвовала, то попытка создания новых политических символов имела место. Так, в августе 2006 г. Патриарх Алексий II передал для президента В.В. Путина «символический» меч преподобного воина Илии Муромца, освященный на его мощах, который должен помочь Президенту «право править Отечеством нашим, утверждая возрождение России, помогая духовному возрождению Святой Руси» [Патриарх... 2006]. Однако продолжения эта история не получила, и больше о новом символе президентской власти информации обнаружить не удалось.

Государственные праздники и церковь

Анализ системы государственных праздников позволяет выявить, какие события прошлого являются системообразующими для построения гражданской идентичности. Влияние религиозных организаций на формирование системы праздников может проявляться в двух аспектах: 1) когда государство признает в качестве праздника день памяти явления, события или сюжета, связанного непосредственно с религиозной традицией, 2) когда религиозная организация выступает инициатором и / или поддерживает введение в систему государственных праздников дня памяти исторического события или личности, имеющих одновременное значение и для истории государства, и для религиозной организации. Такие праздники являются и важным элементом социализации, так как с их помощью граждане приобщаются к политической и / или исторической традиции.

Русская православная церковь связана с системой российских праздников в двух указанных аспектах. В настоящее время в России, согласно Трудовому кодексу, из восьми государственных праздников, признанных выходными днями, два – Рождество Христово и День народного единства – непосредственно связаны с Русской православной церковью. В числе дополнительных праздничных дней, установленных в субъектах Российской Федерации и связанных с православной традицией, следует отметить день общецерковного поминовения усопших – Радоницу (в Саратовской области с 2012 г.), Троицу и Светлый понедельник (Республика Крым и Севастополь).

Пасха не является государственным праздником, однако в пасхальных богослужениях, транслируемых по центральным государственным каналам, так же как и в рождественских, участвуют знаковые представители политической элиты страны. По степени символической значимости для государства этот религиозный праздник близок к Рождеству и стал важной составляющей не только религиозного, но и культурного пространства страны. Однако говорить о том, что праздничное воспоминание Воскресения и Рождества является элементом политики памяти, несущим какую-либо инструментальную задачу, представляется преувеличением.

Иная картина складывается с введенным в 2005 г. новым государственным праздником – Днем народного единства. Сама дата его празднования, приходящаяся на 4 ноября, совпадает с церковным праздником иконы Казанской Божьей матери, которая, в свою очередь, исторически связана с датой освобождения Московского Кремля от польско-литовских интервентов и, в более широком контексте, с завершением периода «смутного времени» в начале XVII в. Важна символическая основа праздника – ведь вслед за преодолением периода смуты началось возрождение российской государственности. Введение праздника важно и с точки зрения политики забвения – одновременно произошла отмена государственного празднования годовщины Октябрьской революции 7 ноября. В сюжете противостояния двух ценностных систем, символизируемых указанными праздниками, государство максимально публично и ясно продемонстрировало свой выбор. Инициатива введения нового праздника формально принадлежала Межрелигиозному совету России, однако наиболее активная позиция по обоснованию необходимости введения нового праздника наблюдалась у Русской православной церкви. Благодаря медийным усилиям РПЦ в публичном дискурсе формировалась устойчивая ассоциативная связь между праздником возрождения российской государственности и православной церковью. Тот факт, что дата праздника приходится на день памяти особо чтимой православной церковью Казанской иконы Божьей матери, всегда особо подчеркивался церковными СМИ, ими же формировался и образ этой святыни как символа освобождения от иностранной интервенции. То, что производится молитвенное почитание иконы именно как заступницы и хранительницы России, дало основание официальному церковному изданию писать, что «не государство, а Право-

славная церковь наполнила праздник смыслом и содержанием» [День Народного Единства, 2005]. Церковь также акцентировала внимание на роли Патриархов Гермогена и Филарета в преодолении смутного времени. Следствием очевидной связи государственной и церковной истории периода Смутного времени стала ситуация, когда любая реконструкция исторического контекста нового праздника становилась невозможной без упоминания православия и Православной церкви. В результате практически все официальные торжества, связанные с новым праздником, проводятся при участии представителей РПЦ.

Помимо государственных нерабочих праздничных дней в России существует система государственных памятных дат. Они могут использоваться в качестве инструмента политики памяти и так же, как и в случае с государственными нерабочими праздничными днями, быть связаны с религиозной традицией. Среди таких дней стоит отметить памятную дату День Крещения Руси. В 2008 г. Архиерейский собор РПЦ обратился к президенту России Д. Медведеву с предложением учредить в стране государственный праздник в честь святого равноапостольного князя Владимира [Послание... 2008]. Инициатива была поддержана президентом, но воплотилась в 2010 г. в День Крещения Руси, отмечаемый 28 июля – день памяти св. князя Владимира по церковному календарю. Праздник наполнился новым содержанием с присоединением к Российской Федерации Крыма в 2014 г., когда древняя Корсунь – Херсонес, в котором, по церковному преданию, принял крещение св. Владимир, стала площадкой для организации праздничных мероприятий, с акцентом на значении этого события в развитии российской государственности, а В. Путин в ежегодном послании Федеральному собранию заявил, что для России Корсунь имеет «огромное цивилизационное и сакральное значение» [Путин, 2014].

Государственный памятный День славянской письменности и культуры (День святых Кирилла и Мефодия) также сопровождается проведением значительного количества культурных и просветительских проектов и мероприятий с государственным и церковным участием. Еще один государственный памятный день, связанный с православной традицией, – Татьянин день (праздник всех студентов), в день памяти раннехристианской мученицы Татьяны Римской, – пока еще не проявил свой мобилизующий потенциал в качестве инструмента политики памяти.

О том, что Церковь видит рассмотренные государственные праздники и памятные даты в том числе и в контексте политической социализации и политики памяти, лучше всего свидетельствует постановление Священного синода, отметившего значение установления общегосударственного празднования Дня народного единства именно «для сохранения исторической памяти народа России и консолидации российского общества» [Журнал... 2005].

Заключение

В нынешнем общественно-политическом дискурсе, формируемом агентами социализации из числа государственных и церковных институтов, преобладают патриотическая, «державная», цивилизационно-изоляционистская и традиционалистская компоненты. Участие в трансляции этого дискурса Русской православной церкви и в формировании на его основе элементов символической системы являются примером того, как религиозные институты в лице Церкви могут дополнять деятельность государственных агентов политической социализации, в том числе и при реализации государственной политики памяти. Однако в связи с этим закономерно возникает вопрос, как подобные, порой достаточно глубокие и интенсивные, институциональные взаимодействия согласуются с конституционными принципами светскости и отделения религиозных объединений от государства (статья 14 Конституции РФ). В условиях сохраняющейся правовой неопределенности этих понятий, допускающей нередко прямо противоположные их интерпретации, государство находится в определенной «зоне риска», задействуя ресурс религиозных организаций для реализации отдельных элементов исторической политики, но не имея при этом убедительного правового обоснования подобной деятельности.

Проведенный анализ показал, что Русская православная церковь, которая формально отделена от государства и является негосударственным и неполитическим институтом, действует в согласии с государственными агентами политической социализации и дополняет их активность в трансляции официальных и полуофициальных ценностных установок, связанных с прошлым.

Другими словами, Церковь и государство формируют не составлятельные, а взаимодополняющие каналы социализации.

Список литературы

- Алексий II.* Слово на открытии XIV Рождественских образовательных чтений // Церковный вестник. – М., 2006. – № 3. – Режим доступа: <http://www.tserkov.info/patriarh/?ID=3049> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2013. – № 4. – С. 106–123.
- День Народного Единства // Церковный вестник. – М., 2005. – № 21. – Режим доступа: <http://www.tserkov.info/prazn/?ID=5333> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Донцев С.П., Чимирус Е.С.* Политическая социализация граждан РФ и деятельность религиозных организаций в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Социально-коммуникативные науки». – М., 2011. – № 1. – С. 132–140.
- Единый учебник по истории жизненно необходим, считает патриарх Кирилл // Интерфакс-религия. – М., 2014. – 1 сентября. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=56308> (Дата посещения: 25.03.2018.)
- Журнал № 97 заседания Священного синода Русской православной церкви, состоявшегося 27 дек. 2005 г. // Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2005. – 27 декабря. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/73914.html> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Кирилл*, митрополит. Не должно быть законов, оскорбляющих и возмущающих нравственное чувство человека // Церковь и время. – М., 2006. – № 3. – С. 25–50.
- Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н.А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с.
- Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: Анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. – М., 2018. – № 1. – С. 9–25.
- Миллер А.И.* Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 2014. – № 4 (75). – С. 49–57.
- Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 2013. – № 4 (71). – С. 114–126.
- Митрофанова А.В.* Политизация «православного мира». – М.: Наука, 2004. – 293 с.
- Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» // Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Основы социальной концепции Русской православной церкви // Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной

- церкви. – Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Адександра Невского, 2000. – С. 171–250.
- Патриарх Кирилл: Исторический путь Святой Руси должен быть ясным // Православие. ru. – М., 2013. – 29 мая. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/61859.html> (Дата посещения: 25.03.2018.)
- Патриарх освятил в Муроме символический меч Ильи Муромца в дар президенту Путину // Православие. ru. – М., 2006. – 03 августа. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/18205.html> (Дата посещения: 25.03.2018.)
- Положение о Министерстве обороны Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082) // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2004. – № 34. – Ст. 3538.
- Послание Святейшего Патриарха Алексия от имени Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву // Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428844.html> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. – М., 2014. – 4 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Растимешина Т.В. Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви: Традиционные подходы и инновационные технологии. – М.: МГОУ, 2012. – 291 с.
- Святейший Патриарх Кирилл: Ново-Иерусалимский монастырь является символом соработничества Церкви и государства // Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2009. – 17 ноября. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/938400.html> (Дата посещения: 25.03.2018.)
- Соглашение о сотрудничестве между воздушно-десантными войсками и Русской православной церковью // Церковный вестник. – М., 2003. – № 18. – Режим доступа: <http://www.tserkov.info/numbers/greetings/?ID=646> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии // Интерфакс-религия. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Almond G.A., Verba S. The civil culture: Political attitudes and democracy in five nations. – Princeton, 1963. – 562 p.